научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 82

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО МИФА О БРАТОУБИЙСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РОМАНА ДЖОНА СТЕЙНБЕКА «К ВОСТОКУ ОТ ЭДЕМА»

ВАСИЛЬЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат философских наук,
доцент кафедры германской филологии и скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
milorada07@mail.ru

ПАВЛОВА ЕКАТЕРИНА АДРЕЕВНА

Магистрант Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
hilfcol88@yandex.ru

Ключевые слова:
Джон Стейнбек
«К востоку от Эдема»
архаичный миф
миф о братоубийстве
интертекстуальность
прецедентный текст
ненависть
воля
выбор

Аннотация:
В статье предпринята попытка интерпретации интертекстуальных элементов из ветхозаветного мифа о братоубийстве в романе Джона Стейнбека «К востоку от Эдема». Библейский текст рассмотрен как один из наиболее универсальных прецедентных феноменов, а также как вариант претекста в рамках теории интертекстуальности. Был сделан вывод о том, что в романе Дж. Стейнбека обращение к библейскому мифу является сюжетообразующим элементом; миф о братоубийстве занимает ключевую роль в тексте и организует смысловой пласт романа. Через апелляцию к ветхозаветному сюжету о Каине и Авеле Дж. Стейнбек исследует такие аксиологические категории, как ненависть, свобода воли, грех и искупление, а также задается вопросом о том, способен ли человек противостоять тому, что ему предначертано.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 25 ноября 2023 года Опубликована: 25 декабря 2023 года

Введение: архаичный миф в художественном тексте

Функционирование архаичного мифа в художественном тексте представляет собой многогранный аспект литературной и культурной аналитики и занимает важнейшее место в работах современных исследователей (Е. Н. Вагнер, Л. Ф. Хабибуллина, Е. В. Болнова, С. Н. Чумаков, Е. В. Гнездилова и др.). Миф как фундаментальное культурное явление переплетается с текстом и раскрывается через его символическую и метафорическую структуру, создавая уникальное пространство для анализа и интерпретации. Миф проходит через произведения различных жанров и эпох, открывая перед исследователями огромное количество смыслов и контекстов и способствуя глубокому пониманию

текста и его воздействия на читателя.

Архаичный миф является важной частью культурного наследия человечества и представляет собой результат устных традиций и религиозных представлений, которые транслировались из поколения в поколение. Архаичный миф можно определить как «запечатленное в образах познание мира» [6]; «повествование, признаваемое в неком сообществе абсолютно правдивым и рассказывающее о том, каким образом универсум или какие – то его элементы пришли в нынешнее состояние» [12]. Архаичные мифы играли ключевую роль в формировании культурной и религиозной идентичности и отражали ценности тех обществ, в которых они возникли.

Древнейший миф служит для объяснения того, «каким образом реальность, благодаря деяниям сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления» [13]. Архаичный миф опирается на коллективную веру и служит орудием для объяснения окружающей действительности, которая может быть подвластна контролю со стороны человеческого сознания. Миф вбирает в себя широкий пласт реальности и способен истолковать не только природные явления, но и такие бытийные аспекты, как зарождение мира, феномены рождения и смерти, определить место человека в мире и задать для него определенные культурные и нравственные ценности.

В литературном творчестве миф «используется как для обогащения образов и содержания, усиления действенности самого художественного произведения, так и для продвижения и идеализации самого мифологического понятия» [3]. Иными словами, мифологические элементы привносят в произведение глубокие символические аспекты; они расширяют образы персонажей, место действия и сюжет, придавая им дополнительные слои смысла. Использование авторами мифа способствует сохранению и передаче культурных и религиозных ценностей через литературные произведения.

Обращение писателей к архаичному мифу начинается с античного периода (Гомер, Гесиод), активно функционирует в средневековой литературе (Данте Алигьери, Дж. Боккаччо), а также в произведениях эпохи романтизма (Дж. Байрон, Новалис), где он фигурирует «в качестве основного средства разрешения противоречия между богатым внутренним миром личности и не отвечающей высоким представлениям о справедливости социальной действительностью» [2]. Писатели и поэты данной эпохи интересовались внутренним миром человека и его эмоциями; мифология являлась богатым источником символов и аллегорий, которые помогали романтикам исследовать человеческую душу, ее стремления и страхи. В XX веке миф как литературное явление предстает не только как художественный прием, но и как «стоящее за этим приемом мироощущение» [6], которое выражается в попытке объяснить и упорядочить абсурдную и опасную для человеческого существования действительность (Т. Манн, Дж. Джойс, Ф. Кафка).

Интертекстуальность и прецедентность в художественном тексте

В современном литературоведении одно из ведущих мест занимает теория интертекстуальности, с позиции которой исследуются «включения в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [9]. Интертекстуальность позволяет автору взаимодействовать с литературным наследием, комментировать другие произведения, а также создавать новые уровни значений в своем собственном тексте. Функциональная сторона интертекстуальных элементов – усиление авторской аргументации и оценки или создание иронии [9]. Такие элементы используются также для обогащения символического содержания, создания сложных, многозначных образов и внесения элементов глубокого культурного контекста. Интертекстуальность устанавливает диалог между автором и читателем, что позволяет второму активно участвовать в анализе и интерпретации произведения. Путем выявления интертекстуальных связей можно расширить и углубить понимание текста: обнаружить скрытые значения, символику и многозначность.

В рамках интертекстуальности рассматривается такое понятие как претекст, или текст, элементы которого автор использует для материала своего произведения. В качестве претекста зачастую выступает миф. Наиболее продуктивными мифами-претекстами являются произведения классической литературы, античной мифологии, а также христианский миф.

«Специфической моделью» [10] интертекстуальности являются прецедентные феномены: тексты, высказывания или имена, которые представляют собой «целостные семиотические единицы языковой системы, объективизирующиеся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом» [7]. С позиции теории прецедентности претекстом выступает прецедентный текст, который обладает сверхличностным характером, т. е. известен широкому кругу

лиц одной или множества культур, является важным для личности в когнитивном, психологическом и эмоциональном плане, а также имеет свойство неоднократно воспроизводиться в исходном или варьированном виде.

Наиболее универсальным прецедентным текстом является текст Священного Писания, т. к. он находит отражение «в сознании миллионов носителей европейской и мировой культуры и бесконечно воспроизводится во вновь продуцируемых речевых произведениях на разных языках, что, в свою очередь, ведет к его постоянному динамическому варьированию» [8]. Библейский текст проходит через множество произведений мировой литературы, зачастую представляя собой сюжетообразующий элемент: произведения Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Г. Мелвилла «Моби Дик», В. Голдинга «Повелитель мух» и др.

Миф о братоубийстве как универсальный мотив

Одним из библейских сюжетов, который многократно воспроизводится в различных видах искусства, в том числе в литературе, является ветхозаветный миф 4-й главы Книги Бытия об убийстве Каином брата Авеля, чья жертва была более угодной для Бога. Убийство брата считается одним из самых тяжких преступлений и нарушением общечеловеческих норм. С аксиологической позиции данный библейский сюжет раскрывает категории ценности человеческой жизни, справедливости, моральной ответственности и утверждает нравственные нормы, за нарушение которых следует наказание; с точки зрения религиозного символизма данный миф указывает на важность преданности Богу, даже если он не наделяет человека никаким зримым благословением.

Стоит отметить, что миф о братоубийстве встречается не только в тексте Священного писания; это универсальный мотив, который присутствует в разных культурах и имеет различные значения, в числе которых наиболее распространенным является «борьба за власть». Так, например, в трагедии «Антигона», написанной древнегреческим драматургом Софоклом, миф о братоубийстве связан с братьями Полиником и Этеоклом, которые погибли, сражаясь друг против друга за власть над Фивами. Миф о братоубийстве играет ключевую роль в произведении; он служит основой для драматического конфликта, который выявляет моральные, этические и политические вопросы. В римской мифологии миф о братоубийстве связан с историей основания Рима: близнецы Ромул и Рем, согласно легенде, поспорили, кто из них будет правителем города. Конфликт завершился тем, что Ромул убил Рема и стал первым царем Рима. В древнеегипетской религиозной мифологии существует миф об Осирисе и Сете: Сет из-за жажды власти решает захватить земной престол и убивает своего брата.

Миф о братоубийстве присутствует в разных культурах и имеет глубокие исторические, культурные и символические значения. Этот миф часто служит для иллюстрации различных аспектов человеческой природы, морали и общественных норм.

Ветхозаветный миф о братоубийстве в контексте романа Дж. Стейнбека «К востоку от Эдема»

Роман Джона Стейнбека «К востоку от Эдема» («East of Eden»), опубликованный в 1952 году, занимает выдающееся место в американской и мировой литературной традиции и представляет собой сложный художественный текст, в котором автор демонстрирует множество тем и мотивов, в том числе библейских. Ветхозаветные аллюзии проходят через всю структуру романа, начиная с заглавия «К востоку от Эдема», которое настраивает читателя на многоплановость произведения.

Одним из наиболее важных элементов произведения является его связь с ветхозаветным мифом о Каине и Авеле. Миф находит отражение в самом начале романа, когда Стейнбек знакомит нас с двумя братьями Траск – Адамом и Карлом. Как первые буквы имен персонажей соответствуют именам библейских персонажей Авеля и Каина, так и их внутренняя характеристика коррелирует с ветхозаветными героями: «*Карл относился к Адаму с долей снисходительности, но то была снисходительность сильного, который опекает слабого*» [11]. Подобно Каину в библейском мифе, Карл не ощущает любви и благословения от своего отца, отчего испытывает ревность и зависть к своему брату, к которому отец, как ему кажется, питает большую симпатию: «*Ты хочешь отнять его [отца] у меня! – крикнул Карл. – Уж и не знаю как, но хочешь!*» [11]. Карл неоднократно избивает Адама и, в конце концов, пытается его убить.

На примере Карла и его библейского прототипа Стейнбек исследует категории зла и ненависти и задается вопросом: откуда эти чувства берутся в человеке, при каких внешних событиях они

развиваются и подвластны ли они контролю. В другом фрагменте романа, в котором уже взрослый Адам Траск обсуждает легенду о Каине и Авеле с Ли и Самюэлом, мы находим ответ на этот вопрос в виде утверждения о том, что зло априори есть в каждом человеке. В высказывании Адама есть тому подтверждение: «*Потому, – ответил Адам возбужденно, что мы его потомки. Он [Каин] наш праотец. И часть нашей вины – от наших предков. Нам не дали выбора. Мы дети своего отца. И не первые, значит, грешим. В этом – оправдание, а оправданий на свете нехватка*» [11].

Так Карл с самого начала переполнен чувствами соперничества и зависти; он не умеет быть в слабой позиции, не умеет проигрывать и уступать. Ревность к отцу только усугубила негативное мировосприятие героя и подкрепила его внутренний гнев. Стейнбек неоднократно описывает, как в неудачные для героя моменты вся его личность искажается, наполняется ненавистью, которая ему не подвластна: «*на лице у Карла была такая ненависть, что Адаму стало жутко*» [11], «*сначала вспышка ярости, затем ярость сменяется холодным спокойствием... вот тогда-то механизм нацелен на убийство...*» [11]. В ветхозаветном мифе Каин – изначально персонаж бессильный; он не готов вынести трудные обстоятельства, которые могут быть уготованы любому человеку. Так и у Стейнбека слабая в духовном плане личность в лице Карла не готова мириться с ситуацией; она лишена терпеливости и свободы воли, у нее отсутствует контроль над разрушительным началом, которое в ней кроется.

Вместе с тем, данный эпизод открывает еще одну проблему, а именно вопрос о том, способен ли человек контролировать свою судьбу. Стейнбек отвечает на него положительно, ведь, согласно ветхозаветному мифу, Авель должен был погибнуть от рук Каина. Но в романе умирает Карл, умирает в одиночестве на ферме, принадлежавшей когда–то его родителям.

Эта история повторяется в сюжетной линии романа и находит свое отражение в повествовании о сыновьях Адама Траска Кейлебе (Кейле) и Аароне (Ароне), которые также олицетворяют собой библейские архетипы. Имена Кейлеб (Халев) и Аарон – имена ветхозаветных персонажей: Аарон – брат Моисея и первосвященник, Халев – один из тех, кому Господь позволил войти в землю Ханаанскую. Однако в данном романе образы их носителей соответствуют Каину и Авелю. С детства один из них увлечен земледелием, другой – скотоводством: *«У меня тридцать пять бельгийских кроликов, сэр, – Сказал Арон <...> Поглядеть я не прочь, Арон. – Губы Самюэла тронула усмешка. – А ты, Кейл, больше огородничаешь? Угадал я?»* [11]. Когда братья подрастают, в них обнаруживаются черты, свойственные ветхозаветным персонажам. Кейлеб более мрачный и замкнутый, он держится в стороне от людей, в то время как Арон, являясь более нравственным и добрым, представляет собой символ добродетели и невинности.

Кейл испытывает ревность к Аарону, однако, в отличие от Карла, он чувствует зло внутри себя и пытается с ним бороться: *«Милый Господи, пусть я буду, как Арон. Пусть я не буду плохим. Я не хочу быть скверным»* [11]. Казалось бы, Кейлеб может властвовать над ненавистью внутри себя; однако данный эпизод повторяет библейскую историю, и Кейл, испытав ревность к отцу, не физически, но морально убивает своего брата, раскрыв истинную историю их матери. Узнав неутешительную тайну, Аарон записывается добровольцем на войну, где погибает.

Здесь возникает спорный момент. Казалось бы, в первой сюжетной линии Стейнбек утверждает способность человека контролировать свою судьбу, однако во второй истории фигурирует идея о том, что человек лишен контроля над заранее предопределенными событиями. Данный вопрос разрешается в другом эпизоде романа, в котором библейский миф раскрывается в своем философско-аксиологическом плане. Этот фрагмент произведения связан с попыткой одного из персонажей – Ли – сравнить разные переводы обращения Бога к Каину («А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, а ты господствуй над ним») и сопоставить их с оригиналом: «*Американская стандартная [библия] что приказывает людям господствовать над грехом, как господствуют над невежеством. Английская королевская [библия] сулит людям непременную победу над грехом, ибо “будешь господствовать” – это ведь обещание. Но древнееврейское слово “тимшел” – “можешь господствовать” – дает человеку выбор. Оно говорит человеку, что путь его открыт – решать предоставляется ему самому*» [11].

В этом эпизоде Дж. Стейнбек использует фрагмент мифа о братоубийстве, чтобы исследовать проблему человеческой воли и выбора. Он утверждает, что даже если в человеке изначально обитает зло, он сам вправе решать, поддаваться ему или же бороться с ним и жить в согласии с морально-нравственными ценностями. Данный фрагмент объясняет нам как читателям, с какой позиции стоит рассмотреть весь роман, в частности, иные проявления ветхозаветного мифа, о которых мы говорили ранее. Все поступки персонажей определяются только их собственным выбором и их внутренней волей.

Карл и Келеб – герои, изначально не имеющие достаточной силы воли, чтобы взять власть над злом и ненавистью внутри себя и не поддаваться чувствам ревности и зависти, именно поэтому они становятся заложниками своей судьбы. В то время как Адам – герой сильной воли; несмотря на то, что само предназначение сулило ему погибнуть, он сам становится повелителем своей судьбы и выносит все жизненные трудности, сохраняя моральные ценности. Аарон же не был убит физически, его смерть – его собственный выбор; из-за внутреннего бессилия он не смог вынести тайны своей семьи, отчего решил сдаться и пустить свое существование на самотек, отправившись на войну, где обстоятельства властвуют над человеческой жизнью. У Стейнбека человеческая судьба зависит только от самого человека и его внутреннего выбора, при этом только сильная в моральном плане личность, которая обладает терпимостью, может контролировать губительные чувства внутри себя и жить согласно морально-нравственным принципам.

Древнееврейское слово «*тимшел*» становится центральным во всем романе и является ключевым в его финале. В конце произведения Ли просит умирающего Адама простить Кейла, убившего брата, и освободить его от груза вины, и Адам произносит свое последнее слово: «*Вдруг он шумно втянул в себя воздух, и тут же задрожавшие губы выдохнули: – Тимшел*!» [11]. Здесь появляется еще одна параллель с ветхозаветным мифом, а именно – тема искупления греха. В библейском мифе Каин был послан в землю Нод, и он признал свою вину и боялся возмездия. Это показывает, что искупление может начаться с признания вины и покаяния. В романе Кейл сожалеет о смерти брата и ощущает глубокую вину о содеянном, и это его первый шаг на пути к искуплению. Несмотря на убийство и грех Каина, Бог поставил знак на него, чтобы никто не убил его, и обещал семикратное возмездие тому, кто бы это сделал. Это демонстрирует милость Божью и возможность искупления даже самых серьезных грехов. Так и Адам, отец Кейла, последним своим произнесенным словом прощает своего сына и наставляет его на дальнейший жизненный путь, в котором он сам сможет быть повелителем своей жизни и выбирать, какой дорогой ему следовать: ненависти и зла или добродетели.

Все произведения Дж. Стейнбека пронизаны гуманизмом и любовью к человеку. Сам автор на вручении Нобелевской премии произносит такие слова: «*Я полагаю, что писатель, который не верит всей душой в способность человека к самосовершенствованию, не имеет права посвящать себя литературе <…> сегодня, перефразируя святого апостола Иоанна, можно сказать: В конце есть Слово, и Слово есть Человек, и Слово есть с Человеком!*» [15]. В романе «К востоку от Эдема» Стейнбек исследует одни из самых глубоких и универсальных аспектов человеческой природы: свободу воли и выбора. Он подчеркивает, что способность человека принимать решения и следовать по пути добра или зла играет решающую роль в формировании его судьбы и жизненного пути. Автор утверждает, что даже в тех моментах, когда жизнь проводит нас через критические испытания, у человека всегда есть возможность изменить свою судьбу посредством выбора. Особое значение автор придает идее о том, что наша истинная человеческая сущность не ограничивается наследственностью или прошлыми ошибками. Она складывается из наших собственных решений, нашей свободы выбора и воли. Эти аспекты определяют нас как людей и придают нам нашу уникальность.

Библейские аллюзии служат автору дополнительным инструментом, позволяя ему глубже исследовать темы человеческой натуры. Они добавляют сложность и глубину тексту, а также усиливают авторскую аргументацию. Обращение к ветхозаветному мифу позволяет Стейнбеку интерпретировать ключевые темы, такие как свобода выбора и воли, взаимоотношения между добром и злом, понятия греха и искупления. В результате они не только обогащают содержание, но придают произведению значимость и символизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / И.В. Арнольд. – М. : ФЛИНТА, 2019. – 448 с. ISBN 978-5-9765-2812-3

2. Будюкин Д.А. Реабилитация мифа в эпоху романтизма / Д.А. Будюкин, А.Г. Иванов. – Текст : электронный // Вестник ЧелГУ. 2017. №1 (397). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reabilitatsiya-mifa-v-epohu-romantizma (дата обращения: 21.10.2023).

3. Валиев Н.У. Понятие мифа и предмет его изучения / Н.У. Валиев. – Текст : электронный // Вестник Педагогического университета. 2014. №3–1 (58). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mifa-i-predmet-ego-izucheniya (дата обращения: 22.10.2023).

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.

— 264 с. ISBN 978-5-382-01071-7

5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 2001. – 558 с. ISBN 5-244-00969-9

6. Мелетинский Б.М. Поэтика мифа / Б.М. Мелетинский. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с. ISBN 5-02-017878-0

7. Назарова Р.З. Прецедентные феномены : проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р.З. Назарова, М.В. Золотарев // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 2. С. 22.

8. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен : автореферат дис. ... доктора филологических наук / Н.М. Орлова. – Саратов, 2010. – 50 с.

9. Свистунова Н.И. Приемы выражения интертекстуальности и их функции в художественном тексте / Н.И. Свистунова, П.О. Кольчикова. – Текст : электронный // МНКО. 2020. №4 (83). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-vyrazheniya-intertekstualnosti-i-ih-funktsii-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romana-a-bayett-obladat (дата обращения: 21.10.2023).

10. Спиридовский О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии / О.В. Спиридоновский // Политическая лингвистика. – 2006. № 20. С. 161–170.

11. Стейнбек Дж. На восток от Эдема / Дж. Стейнбек. – М. : Правда, 1986. – 686 с.

12. Шабуров Н.В. Функции мифа в гностической и христианской традициях в эпоху поздней античности : автореферат дис. ... кандидата культурологии / Шабуров Н.В. – Москва, 1999. – 29 с.

13. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В.П. Большакова / М. Элиаде. – 4-е изд. – М. : Академический Проект, 2010. – 251 с. ISBN 978-5-8291-1125-0

14. Frazer J. The Golden Bough: A Study of Magic and Religion / J. Frazer. – М. : Нобель Пресс, 2012. – 408 p. ISBN 978-5-8837-6210-8

15. John Steinbeck Banquet Speech // The Nobel Prize [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1962/steinbeck/biographical/ (дата обращения: 27.10.23).

16. National Steinbeck Center [Электронный ресурс]. – URL: https://www.steinbeck.org/ (дата обращения: 22.10.23).

17. Steinbeck J. East of Eden / J. Steinbeck. – London : Penguin Books, 2014. – 379 p. ISBN 978-0-14-139489-3

REFERENCES

1. Arnold I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost': sb. st [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, 2019. 448 p. (In Russ.)

2. Budyukin D.A. Reabilitaciya mifa v epohu romantizma [Rehabilitation of Myth in the Era of Romanticism]. 2017. No 1 (397). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/reabilitatsiya-mifa-v-epohu-romantizma (accessed: 21.10.23) (In Russ.)

3. Valiev N.U. Ponyatie mifa i predmet ego izucheniya [The Concept of Myth and the Subject of its Study]. 2014. No 3–1 (58). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mifa-i-predmet-ego-izucheniya (accessed: 22.10.23) (In Russ.)

4. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.)

5. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. Moscow, 2001. 558 p. (In Russ.)

6. Meletinsky B.M. Poetika mifa [Poetics of Myth]. Moscow, 2000. 407 p. (In Russ.)

7. Nazarova R.Z. Precedentnye fenomeny : problemy definicii i klassifikacii precedentnyh fenomenov [Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification of Precedent Phenomena]. 2015. – Vol. 15. No. 2. P. 22 (In Russ.)

8. Orlova N.M. Biblejskij tekst kak precedentnyj fenomen : avtoreferat dis. ... doktora filologicheskih nauk [The Biblical Text as a Precedent Phenomenon]. Saratov, 2010. 50 p. (In Russ.)

9. Svistunova N.I. Priemy vyrazheniya intertekstual'nosti i ih funkcii v hudozhestvennom tekste [Techniques for Expressing Intertextuality and their Functions in a Literary Text]. 2020. No 4 (83). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/priemy-vyrazheniya-intertekstualnosti-i-ih-funktsii-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romana-a-bayett-obladat (accessed: 21.10.2023) (In Russ.)

10. Spiridovskij O.V. Intertekstual'nost' prezidentskogo diskursa v SSHA, Germanii i Avstrii [Intertextuality of Presidential Discourse in the USA, Germany and Austria]. 2006. No 20. P. 161–170. (In Russ.)

11. Steinbeck J. Na vostok ot Edema [East of Eden]. Moscow, 1986. 686 p. (In Russ.)

12. Shaburov N.V. Funkcii mifa v gnosticheskoj i hristianskoj tradiciyah v epohu pozdnej antichnosti : avtoreferat dis. … kandidata kul'turologii [Functions of Myth in the Gnostic and Christian Traditions in Late Antiquity]. Moscow, 1999. 29 p. (In Russ.)

13. Eliade M. Aspekty mifa [Aspects of Myth]. Moscow, 2010. 251 p. (In Russ.)

14. Frazer J. The Golden Bough: A Study of Magic and Religion. Moscow, 2012. 408 p.

15. John Steinbeck Banquet Speech // The Nobel Prize. Available at: https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1962/steinbeck/biographical/ (accessed: 27.10.23).

16. National Steinbeck Center. Available at: https://www.steinbeck.org/ (accessed: 22.10.23).

17. Steinbeck J. East of Eden. London, 2014. 379 p.

VASILEVA S., PAVLOVA E. INTERPRETATION OF THE BIBLICAL MYTH OF FRATRICIDE IN THE CONTEXT OF JOHN STEINBECK’S NOVEL EAST OF EDEN // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2023. № 4. P. 17–23.

INTERPRETATION OF THE BIBLICAL MYTH OF FRATRICIDE IN THE CONTEXT OF JOHN STEINBECK’S NOVEL EAST OF EDEN

VASILEVA Svetlana

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Germanic Philology and Scandinavistics,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru

PAVLOVA Ekaterina

Master degree candidate,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, hilfcol88@yandex.ru

Keywords:
John Steinbeck
"East of Eden"
archaic myth
myth of fratricide
intertextuality
precedent text
abhorrence
will
choice

Summary:
This article attempts to interpret intertextual elements from the Old Testament myth of fratricide in John Steinbeck's novel "East of Eden". The biblical text is considered as one of the most universal precedent phenomena, as well as a variant of the pretext within the framework of the theory of intertextuality. It was concluded that in J. Steinbeck’s novel the appeal to the biblical myth is a plot-forming element; the myth of fratricide plays a key role in the text and organizes the semantic layer of the novel. Through an appeal to the Old Testament story of Cain and Abel, J. Steinbeck explores such axiological categories as abhorrence, free will, sin and redemption, and also asks the question of whether a person is able to resist what is destined for him.